
СОЦИОЛОГИЯ

DOI: 10.34020/2073-6495-2021-2-220-230

УДК 316.42

КОНЦЕПТ ТЕХНО-ЦИФРОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ СТАНОВЛЕНИЯ И ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ

Костоломова М.В., Карепова С.Г., Пинчук А.Н.

Институт социально-политических исследований
(обособленное подразделение)

Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук

E-mail: m.kostolomova@yandex.ru, svetlran@mail.ru,
antonina.pinchuk27@bk.ru

Статья посвящена формированию концепта техно-цифровой безопасности. Необходимость методологического обоснования данного концепта обусловлена дискурсом современной социальной реальности, переживающей качественный переход к новой, цифровой стадии развития человеческой цивилизации. В данной работе обосновывается целесообразность включения техно-цифровой безопасности в Стратегию национальной безопасности Российской Федерации. Авторами представлены практические рекомендации по обеспечению техно-цифровой безопасности на начальном этапе ее реализации с целью последующей разработки соответствующей долгосрочной стратегии.

Ключевые слова: безопасность, техно-цифровая безопасность, социальная реальность, национальная безопасность, цифровые риски, цифровизация, технологизация.

CONCEPT OF TECHNO-DIGITAL SECURITY: SOCIAL CONTEXT OF ITS FORMATION AND THEORETICAL-METHODOLOGICAL FOUNDATIONS

Kostolomova M.V., Karepova S.G., Pinchuk A.N.

Institute of Socio-Political Research –

Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences

E-mail: m.kostolomova@yandex.ru, svetlran@mail.ru,
antonina.pinchuk27@bk.ru

The article is devoted to the formation of the concept of techno-digital security. The need for methodological justification of this concept is due to the discourse of modern social reality, experiencing a qualitative transition to a new, digital stage in the development of human civilization. This work justifies the feasibility of including techno-digital security in the National Security Strategy of the Russian Federation. The authors presented practical recommendations for ensuring techno-digital security at the initial stage of its implementation with the aim of further developing an appropriate long-term strategy.

Keywords: security, techno-digital security, social reality, national security, digital risks, digitalization, technologization.

СОВРЕМЕННАЯ СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ЕЕ «ЦИФРОВОЙ» ДИСКУРС

Современная социальная реальность – сложный феномен, отражающий не просто переход к новой стадии развития общества, но характеризующийся *качественным* скачком от одной стадии развития человеческой цивилизации (индустриальной) к другой, гораздо более непредсказуемой и мало прогнозируемой. Сегодня можно встретить такие ее наименования: цифровая, технологическая, электронно-цифровая, новая индустриальная стадии и пр. Однако в данном случае название является лишь слабой попыткой описать, категоризировать комплекс взаимосвязанных процессов, поскольку часто за такой детерминацией упускается из виду глубинная суть подобных трансформационных изменений. Будучи раз создана, социальная реальность начинает функционировать и развиваться по своим собственным, относительно объективным законам, оказывая обратное влияние не только на создавшего ее человека, но и на всю природу в целом [6]. Вследствие чего наряду с величайшими духовными и материальными ценностями, в современной социальной реальности сложились явления и процессы, которые не только угрожают уничтожением всех достижений человеческого гения, но и самой человеческой цивилизации.

Среди основных угроз следует обозначить: разрушение естественной среды обитания человека; усиление глобального экономического неравенства; интенсификация процесса распада «традиционных ценностей»; религиозная и идеологическая радикализация; международный терроризм; возрастание роли личностного (человеческого) фактора и его воздействия на явления и процессы социальной реальности; повышение вероятности межгосударственных конфликтов (в том числе информационных и гибридных); создание новейших социальных технологий (типа «управляемого хаоса» и пр.); и, наконец, *неадекватное использование высоких технологий* (цифровых, нано-, биотехнологий) [5].

Данный перечень угроз не исчерпывает все существующие угрозы и многообразия рисков, которые человек навлекает на себя своими же действиями. При этом именно высокие технологии сегодня обретают главенствующую роль в процессе трансформации всей планетарной социосистемы, поскольку именно они обеспечивают возможностный фундамент для всех сфер человеческой жизнедеятельности (от медицины до военного дела), выводя ее на качественно иной уровень. Конструируемая таким образом техносфера становится основой, воздействующей на все условия и формы жизнедеятельности человеческого общества (на социосферу, биосферу и абиотсферу).

Сложившееся положение вещей провоцирует формирование развивающегося *парадокса*: благодаря высоким технологиям через процессы цифровизации и технологизации человек, с одной стороны, получает верховенство над окружающим его миром и культивирует иллюзию тотального управления им, с другой – человек сам становится источником хаоса и утрачивает способность контролировать последствия своих действий. Безусловно, не только современные достижения и открытия в науке и технологии послужили средством для формирования такого парадоксального явления. Од-

нако их интенсивное развитие в последние 20 лет стало главным фокусом общецивилизационного научного дискурса. Проблемные и часто риторические вопросы, связанные с процессами цифровизации и технологизации уже стали незримым и не осознаваемым фоном повседневной жизни. При этом влияние, которое такой «фон» оказывает, становится колоссальным в своей прогрессии. Ввиду этого человек столкнулся с необходимостью осмысления происходящего. Тем более что продолжают проявляться последствия научно-технических открытий последних лет, а также формируются угрозы и риски, как явные, так и латентные. Человек наблюдает рождение новых смыслов, идей и мировоззренческих установок (сингулярианство, трансгуманизм, иммортализм, экстропианство), сам того не осознавая, участвует в формировании культа беззаботного и бессмертного «оцифрованного» будущего (растиражированного СМИ и массовой культурой). Однако при этом продолжает сохраняться довольно объемный культурный лаг, не только по причине «неуспевания» за стремительным научно-техническим прогрессом, сколько из-за малодоступности и неосведомленности о продуктах этого прогресса. Жан Бодрийяр еще в 60-е гг. XX в. в одной из своих первых и основополагающих работ «Система вещей», писал: «Техническое общество живет стойким мифом о непрерывном развитии техники и о нравственном “отставании” от нее людей. Оба аспекта взаимосвязаны: благодаря “стагнации” нравов технический прогресс получает новый облик, предстает как единственная надежная ценность, как высшая инстанция нашего общества; тем самым получает оправдание и весь строй производства» [1, с. 158]. За прошедшие 50 лет с момента публикации данного труда ситуация только усугубилась. Более того, несмотря на всеобщий «цифровизирующий курс» и кажущуюся доступность технологических инноваций, такие «вещи» и «продукты» – привилегия конкретных социальных групп.

Характер подобных глубинных, трансформирующих социальную реальность изменений в долгосрочной перспективе человечеству еще только предстоит оценить, так как многие из них носят «отложенный» эффект. Доказано, что разработка и использование новых наукоемких технологий на практике способствует общему накоплению информации в некий содержательный континуум (сплошную среду), ее смысловой трансформации и выходу из-под контроля на новый системный уровень. То есть «обнаружение одного нового явления в науке может приводить к тому, что оно в рамках сопутствующих интеллектуальных разработок неоднократно усиливается в течение короткого срока, приобретая иные качественные характеристики и последствия для общества» [5, с. 131]. В то же время такие последствия совершенных «открытий» и связанных с ними рисков можно наблюдать уже сегодня. Например, широкий общественно-научный резонанс вызвала технология, позволяющая буквально «редактировать» геном, заменяя или вырезая конкретные участки ДНК (система CRISPR/Cas9) [11]. Эта уникальная технология открывает поистине неограниченные возможности для Человека как для биологического вида, с одной стороны¹. Но с другой

¹ В 2020 г. Нобелевскую премию по химии получили первооткрыватели метода редактирования геномов с помощью системы CRISPR/Cas9 – Эммануэль Шарпантье и Дженнифер Дудна. (Прим. авт.)

стороны, возникают вопросы этического использования подобных технологий и риски их неадекватного применения. Другой прецедент иллюстрируют разработки компании IBM и Швейцарского федерального технического института Лозанны (École Polytechnique Fédérale de Lausanne – EPFL) в области искусственного интеллекта и нейробиологии. Они направлены на создание «цифровой реконструкции» человеческого мозга (Blue Brain Project). Цель этого проекта не только изучить человеческий мозг и впоследствии излечивать людей от разнообразных заболеваний, но и, как заявил во время одного из своих публичных выступлений руководитель исследовательской группы, профессор Генри Маркрам, помочь человеку эволюционировать (?) [15]. Вопросы о необходимости и направлении такого «эволюционного» процесса остаются открытыми, но отражают общий парадоксальный контекст человеческой деятельности.

Цифровизация и технологизация человеческой жизнедеятельности как парадоксальные социетально-изменяющие, сложноуправляемые и труднопрогнозируемые процессы уже породили целый многоуровневый пласт рисков. При этом их сложная категоризация и уровни проявления (микро-, макроуровень) указывают на требование междисциплинарного подхода при разработке алгоритмов преодоления кризисных эффектов, а также при формулировании превентивных или адаптивных мер с учетом их последующей легитимации на государственном уровне. Предлагаем называть такие риски цифровыми. С социологической позиции под *цифровыми рисками* (или рисками цифровизации) мы понимаем возникающие в процессе цифровизации и технологизации человеческой жизнедеятельности сочетания вероятностей и последствий наступления неблагоприятных (как явных, так и латентных) событий в современной социальной реальности. При этом в процессе цифровизации и технологизации человеческой жизнедеятельности сам Человек понимается как действующий субъект и одновременно испытывающий воздействие извне объект [3].

Проблема цифровых рисков олицетворяет собой лишь одну из граней нарождающегося общецивилизационного кризиса, способного вовлечь современное общество в глобальную катастрофу. На сегодняшний день происходит осознание глобальным мировым сообществом необходимости организованного противостояния перманентно и хаотически возникающим угрозам и рискам. В создавшихся условиях подобная постановка проблемы предполагает поиск «спасательных», нивелирующих цифровые риски и угрозы мер, т.е. формируется запрос на разработку стратегии *техно-цифровой безопасности*.

ТЕХНО-ЦИФРОВАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: КОНЦЕПТ, ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ

На сегодняшний день существует немалое количество научно-дисциплинарных подходов к трактовке понятия «безопасность». Каждая из отраслей социально-гуманитарного знания формулирует суть «безопасности» под соответствующим дисциплинарным ракурсом, а также обладает собственным представлением о ее источниках, гарантиях, угрозах и рисках. И хотя этимология термина говорит сама за себя («безопасность» – без опасности,

ее отсутствие), следует уточнить суть приоритетной в рамках данной темы концептуальной коннотации.

Более того, необходимо обратить внимание на то, что каждый исторический период характеризуется своим уникальным парадигмальным фундаментом, который, в свою очередь, определяет суть и общецивилизационное мировоззренческое восприятие таких категорий, как «безопасность».

На наш взгляд, генезис и последующий процесс осмысления категории «безопасность», а затем и конструирование различного рода теоретико-методологических оснований на базе сформулированного понятия имеют точкой отсчета античную философию. «Философские системы прошлого при всей своей индивидуальности и оригинальности подходов к обеспечению безопасности имеют общие моменты, которые исходят из того, что безопасность основывается на гуманистических и нравственных качествах личности, общества и государства, отождествляется с благополучием, добродетелью и справедливостью. В своих произведениях философы как европейской, так и восточной школ заложили основополагающие концепции безопасности социума» [10].

Философы античности преимущественно фокусировались на роли *государства как источника и гаранта безопасности человека*. В философских трактатах Сократа, Платона и Аристотеля представлены основополагающие теоретико-методологические основы концепта безопасности личности, которая заключается в установлении «правильных» ценностных и моральных основ гармоничных взаимоотношений человека, общества и государства [9]. Таким образом, античными мыслителями фактически был сконструирован концепт-прообраз «национальной» безопасности.

Мыслители Нового времени понимали «безопасность», в первую очередь, через призму собственных эгоистических устремлений личности к самосохранению и неприкосновенности своей свободы и своего права на имущество. Данный дискурс подразумевает, что человек просит *государство* выступить гарантом своей безопасности. Например, категория «безопасность» у Т. Гоббса имеет научный характер. В своих трудах он указывает на объективную взаимосвязь безопасности государства и личности, где состояние мира невозможно без сильного государства. Поэтому необходимость общественного договора – это благо для человека, для его «неуязвимости» и выживания [2]. Схожая риторика прослеживается в изысканиях философов эпохи Просвещения, и вопрос безопасности, как правило, всегда сопрягается с ролью государства. Ж.-Ж. Руссо предполагал, что через общественный договор достигается цель сохранения безопасности каждого индивида и безопасности государства, цель защищенности граждан, их образа жизни и благополучия [7].

Обращение к философским основам понятия безопасности вне зависимости от дисциплинарного фокуса (социология, экономика, политология, психология и пр.) оправдано тем, что позволяет «сформировать общие научные представления о таком сложном социальном явлении, каким является безопасность сложных систем, в том числе и социальных» [4, с. 67]. Такой подход исключает односторонний взгляд в оценке безопасности, но формирует необходимый базис для адекватного восприятия и понимания безопасности как конкретного (т.е. индикативно-категоризированного, а

значит эмпирически измеряемого и нормативно-регламентированного) равновесного *состояния* всех сложных социальных систем и подсистем современной социальной реальности. При этом одну из определяющих ролей в сохранении такого равновесного состояния выполняет *государство*. То есть государство, должно выступать гарантом *национальной безопасности*, что подразумевает обеспечение безопасности общества по ключевым сферам его жизнедеятельности (военная, экономическая, финансовая, энергетическая и ресурсно-сырьевая, продовольственная, социальная, социокультурная, демографическая, социально-политическая, экологическая безопасности и пр.).

Действительно, с учетом исторического и современного контекста социальной реальности национальная безопасность утратила значение узкоотраслевой оборонной направленности и стала носить интегральный характер, объединив в себе системно все виды безопасности. Национальная безопасность – это «состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации (далее – граждане), достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации. Национальная безопасность включает в себя оборону страны и *все виды безопасности* (курс. авт), предусмотренные Конституцией Российской Федерации и законодательством Российской Федерации, прежде всего государственную, общественную, информационную, экологическую, экономическую, транспортную, энергетическую безопасность, безопасность личности» [12].

Соответствующий Федеральный Закон «О безопасности» «определяет основные принципы и содержание деятельности по обеспечению безопасности государства, общественной безопасности, экологической безопасности, безопасности личности, иных видов безопасности, предусмотренных законодательством Российской Федерации...» [14]. При этом перечень ключевых сфер, по которым осуществляется регламентация и разработка мер по обеспечению безопасности расширяется адекватно потребностям общества, а также стихийно формируемым угрозам и рискам. Научно-технологическое развитие в данном фокусе – это и есть «трансформация науки и технологии в ключевой фактор развития России и обеспечение способности страны эффективно отвечать на большие вызовы», а также путь к развитию инновационной экономики [13].

Поэтому и техно-цифровая среда, пронизывающая практически всю человеческую жизнедеятельность, на сегодняшний день не просто переходит в разряд таких ключевых сфер, но, как мы упоминали ранее, занимает среди прочих одно из определяющих положений. Современная социальная реальность сталкивается с устойчивой потребностью в формировании «ответа» на новые цифровые риски и угрозы, а также в стратегической разработке регламентирующих и адаптивных мер. Техно-цифровая безопасность должна быть обеспечена государством на национальном уровне и, следовательно, требует включения в соответствующие нормативные акты.

Вместе с тем следует уточнить содержательную и методологическую суть концепта. Динамично развивающийся с новой силой научно-техно-

гический детерминизм XXI в., в корне изменяющий парадигмы базисных сфер человеческой жизнедеятельности, порождает необходимость в нахождении баланса между сохранением самоидентичного пути развития и международной «гонкой» высоких технологий – научно-технологической конкурентоспособностью. Также вопрос техно-цифровой безопасности встает особо остро в аспекте «симметрии» своей реализации. Речь идет об известной дихотомии личного и общественного: то, что для гражданина непопулярная мера, для государства часто – необходимость. В связи с этим фактом необходимо сформулировать нормативно-правовую базу, которая обеспечила бы некую «гармонию»: защитила гражданина от цифровых угроз и рисков и в то же время обозначила бы границы «допустимого» в исследованиях и научно-технических разработках для государства в лице научно-технологической отрасли². Пока в Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации (далее – Стратегия) говорится лишь о «возрастании актуальности (курс. авт.) исследований, связанных с этическими аспектами технологического развития». Однако такие вопросы требуют внимания уже сегодня, тем более что в той же Стратегии в качестве одной из приоритетных целей в ближайшие 10–15 лет заявлен «переход к передовым цифровым, интеллектуальным, производственным технологиям, роботизированным системам, новым материалам и способам конструирования, создание систем обработки больших объемов данных, машинного обучения и искусственного интеллекта» [13].

Вследствие чего под *техно-цифровой безопасностью* мы предлагаем понимать такое состояние как личности, так и всего общества в целом, когда, с одной стороны, обеспечивается соответствующее мировому уровню технологическое и электронно-цифровое развитие государства в рамках установленных норм и утвержденных этических регламентов, с другой стороны, на всех уровнях власти оперативно осуществляется регламентированная деятельность по устранению возникающих в процессе цифровизации и технологизации человеческой жизнедеятельности цифровых рисков и угроз посредством превентивных, адаптивных или нивелирующих мер. Такой подход позволит контролировать ситуацию на обоих полюсах, формируя среду динамичного, но устойчивого равновесия.

В соответствии с документами стратегического планирования в сфере национальной безопасности Российской Федерации³ и в целях обеспечения техно-цифровой безопасности необходимо:

1. Несмотря на наличие отраслевых этически-нормативных кодексов деятельности ученых, разработать федеральный базовый этический регламент научно-технологического развития, который бы позволил научным и научно-образовательным организациям и другим организациям осущест-

² Последние несколько лет, на фоне различных прецедентов, порожденных научными открытиями, разгорается полемика относительно обязательной регламентации допустимых этических границ исследований. Редактировать геном, чтобы избавить пациента от смертельной болезни или просто «улучшить» человека? И надо ли вообще делать что-либо из перечисленного? Пока вопросов больше.

³ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации», Стратегия научно-технологического развития РФ.

влять научную, научно-техническую и инновационную деятельность, а также использовать результаты своих исследований и разработок в этических и морально-нравственных границах, регламентированных соответствующим документом.

2. Создавать такие востребованные инновационные научно-технологические, информационно-цифровые товары и услуги, которые были бы ориентированы преимущественно на внутренний национальный рынок и российского потребителя, что не исключает наращивания темпов развития для конкурентоспособности на международном рынке. Напротив, такой подход будет способствовать преодолению «невосприимчивости экономики и общества к инновациям» [13].

3. Проводить экспертизу внедряемых новшеств, в том числе производить их оценку в ракурсе негативного воздействия на детей и молодежь как наиболее уязвимые демографические группы. Доказано, что неадекватно глубокое погружение в цифровую среду формирует не только риск психоэмоциональной зависимости, но и физиологических реакций, как, например, структурных изменений мозга (особенно у детей), что по прогнозам ученых, может выразиться в различных хронических расстройствах, связанных с ухудшением памяти и общей умственной деградацией. Исследователи данного феномена утверждают, что цифровые технологии, как и вся цифровая среда в целом, оказывают негативное влияние на мозговую деятельность человека [8].

4. Обеспечить одинаково равный доступ к инновационным продуктам во избежание «цифрового неравенства». Несмотря на тотально «цифровизирующий» дискурс современной социальной реальности инновационные «блага» доступны лишь определенным социальным группам (например, в сфере медицины). Причина такого распределения заключается в высокой стоимости производства инноваций и их малодоступности. Такие инновационные продукты остаются преимущественно в категории «элитарных» симулякров. Доступ к подобным ресурсам только углубляет социальное неравенство и невосприимчивость общества к технологиям.

5. Интенсифицировать государственную поддержку социально-гуманитарных наук, которые осуществляют мониторинг и анализ происходящих социетальных трансформационных процессов, а также моделируют и прогнозируют последствия уже запущенных или предполагаемых к запуску процессов.

6. Популяризировать научную деятельность среди молодого поколения как перспективную, государственно-, системообразующую. На уровне среднего общего образования создавать научно-технические кружки, объединения, для формирования у детей восприятия науки как неотъемлемой и перманентно перспективной сферы человеческой жизнедеятельности. Создавать при этом условия (финансовые, материальные, социальные) для заинтересованности молодых специалистов развиваться в российской фундаментальной науке и пр.

7. Повысить требования к квалификации исследователей, занимающихся инновационными научно-технологическими разработками. При этом обеспечить условия (ресурсные, финансовые) для непрерывного развития

ученых в области своей деятельности и смежных областях с учетом междисциплинарной парадигмы современной фундаментальной науки. Речь также идет о создании возможностей для повышения качества высшего образования в аспекте оснащения образовательных учреждений необходимыми ресурсами (лабораториями, техническими средствами и пр.).

8. Преодолеть территориально-региональный дисбаланс в финансировании и ресурсном оснащении научных организаций. Это позволит стимулировать исследователей на местах как к личностному профессиональному развитию, так и построению адекватной конкурентной среды в российской науке.

9. Выстраивать государственную политику в области научно-технологического развития с учетом новой роли науки и технологии как «основополагающих элементов многих национальных и глобальных проблем, обеспечения возможности прогнозировать происходящие в мире изменения, учитывать внутренние тенденции, ожидания и потребности российского общества, своевременно распознавать новые большие вызовы и эффективно отвечать на них» [13].

Приведенный перечень отнюдь не исчерпывает требуемого спектра действий по обеспечению техно-цифровой безопасности в России. Однако он показывает уровень, на котором такая безопасность может быть обеспечена в первую очередь. Взаимосвязанность и взаимозависимость социальных систем и подсистем, а также происходящих одновременно процессов указывает на требование интегрального, комплексного подхода к решению столь сложных задач. Формулирование концепта техно-цифровой безопасности не может миновать решение проблем особенно в тех сферах жизнедеятельности человека, которые напрямую попадают под изменяющее воздействие цифровых, инновационных, технологических экспансий. Поэтому включение техно-цифровой среды в отдельный содержательно-методологический блок Стратегии национальной безопасности Российской Федерации сегодня становится необходимостью.

Стремительно трансформирующаяся современная социальная реальность с перманентно формирующимся многообразием рисков и угроз призывает человека преодолеть парадокс: «управлять» окружающим миром *ответственно* и научиться контролировать последствия своих действий. Более того, он должен обеспечить готовность государства отвечать на новые, стремительно развивающиеся вызовы, предусмотреть их оценку, а в случае необходимости, реагировать соответствующим образом.

Литература

1. Бодрийяр Ж. Система вещей / пер. с фр. С.Н. Зенкина. М.: РИПОЛ классик, 2020. 256 с. (Фигуры философии).
2. Гоббс Т. Левиафан. М.: Мысль, 2001. 478 с.
3. Костоломова М.В. Феномен цифровых рисков: его концептуализация и воздействие на современную социальную реальность // Alma Mater. Вестник высшей школы. 2021. № 3.
4. Литвинов Э.П. Философские основы концепции безопасности // Пространство и время. 2012. № 1 (7). С. 66–73.

5. Новая социальная реальность: системообразующие факторы, безопасность и перспективы развития. Россия в техно-социальном пространстве: коллективная монография. М.; СПб.: Нестор-История, 2020. 208 с.
6. *Осипов Г.В.* Введение в социологическую науку. М., 2010. 336 с.
7. *Руссо Ж.-Ж.* Проект конституции для Корсики. Трактаты. М.: Наука, 1969. 704 с.
8. *Шпитцер М.* Антимозг. Цифровые технологии и мозг. М.: АСТ, 2013. 288 с.
9. *Баишева М.И.* Понимание безопасности личности как ценности в трудах античных философов. КиберЛенинка. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponimanie-bezopasnosti-lichnosti-kak-tsennosti-v-trudah-antichnyh-filosofov/viewer> (дата обращения: 21.01.2021).
10. *Губанов В.М., Капцунова И.К.* Философская интерпретация безопасности жизнедеятельности // Педагогика высшей школы. 2016. № 3.1 (6.1). С. 62–68. [Электронный ресурс]. URL: <https://moluch.ru/th/3/archive/43/1446/> (дата обращения: 21.01.2021).
11. Редактирование генома с CRISP/Cas9. Постнаука. [Электронный ресурс]. URL: <https://postnauka.ru/faq/59807> (дата обращения: 19.01.2021).
12. Стратегия Национальной безопасности Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: Указ Президента РФ от 31.12.2015 N 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». ГАРАНТ (garant.ru) (дата обращения: 01.02.2021).
13. Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: Указ Президента Российской Федерации от 01.12.2016 г. № 642. Президент России (kremlin.ru) (дата обращения: 01.02.2021). Ч. 1, п. 4 (а).
14. Федеральный закон «О безопасности». [Электронный ресурс]. URL: Федеральный закон от 28.12.2010 г. № 390-ФЗ. Президент России (kremlin.ru) (дата обращения: 01.02.2021).
15. About Blue Brain. EPFL. [Electronic source]. URL: <https://www.epfl.ch/research/domains/bluebrain/blue-brain/about/> (дата обращения: 19.01.2021).

Bibliography

1. *Bodrijjar Zh.* Sistema veshhej / per. s fr. S.N. Zenkina. M.: RIPOL klassik, 2020. 256 p. (Figury filosofii).
2. *Gobbs T.* Leviafan. M.: Mysl', 2001. 478 p.
3. *Kostolomova M.V.* Fenomen cifrovyyh riskov: ego konceptualizacija i vozdejstvie na sovremennuju social'nuju real'nost' // Alma Mater. Vestnik vysshej shkoly. 2021. № 3.
4. *Litvinov Je.P.* Filosofskie osnovy koncepcii bezopasnosti // Prostranstvo i vremja. 2012. № 1 (7). P. 66–73.
5. Novaja social'naja real'nost': sistemoobrazujushhie faktory, bezopasnost' i perspektivy razvitija. Rossija v tehnno-social'nom prostranstve: kollektivnaja monografija. M.; SPb.: Nestor-Istorija, 2020. 208 p.
6. *Osipov G.V.* Vvedenie v sociologicheskiju nauku. M., 2010. 336 p.
7. *Russo Zh.-Zh.* Proekt konstitucii dlja Korsiki. Traktaty. M.: Nauka, 1969. 704 p.
8. *Shpitcer M.* Antimozg. Cifrovye tehnologii i mozg. M.: AST, 2013. 288 p.
9. *Baisheva M.I.* Ponimanie bezopasnosti lichnosti kak cennosti v trudah antichnyh filosofov. KiberLeninka. [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponimanie-bezopasnosti-lichnosti-kak-tsennosti-v-trudah-antichnyh-filosofov/viewer> (data obrashhenija: 21.01.2021).
10. *Gubanov V.M., Kapshhunova I.K.* Filosofskaja interpretacija bezopasnosti zhiznedatelj'nosti // Pedagogika vysshej shkoly. 2016. № 3.1 (6.1). P. 62–68. [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://moluch.ru/th/3/archive/43/1446/> (data obrashhenija: 21.01.2021).
11. Redaktirovanie genoma s CRISP/Cas9. Postnauka. [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://postnauka.ru/faq/59807> (data obrashhenija: 19.01.2021).

12. Strategija Nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii. [Jelektronnyj resurs]. URL: Ukaz Prezidenta RF ot 31.12.2015 N 683 «O Strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii». GARANT (garant.ru) (data obrashhenija: 01.02.2021).
13. Strategija nauchno-tehnologicheskogo razvitija Rossijskoj Federacii. [Jelektronnyj resurs]. URL: Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 01.12.2016 g. № 642. Prezident Rossii (kremlin.ru) (data obrashhenija: 01.02.2021). Ch. 1, p. 4 (a).
14. Federal'nyj zakon «O bezopasnosti». [Jelektronnyj resurs]. URL: Federal'nyj zakon ot 28.12.2010 g. № 390-FZ. Prezident Rossii (kremlin.ru) (data obrashhenija: 01.02.2021).
15. About Blue Brain. EPFL. [Electronic source]. URL: <https://www.epfl.ch/research/domains/bluebrain/blue-brain/about/> (data obrashhenija: 19.01.2021).